

УДК 343.119

М.К. Свиридов

САМОСТОЯТЕЛЬНОСТЬ СУДА ПРИ ПОСТАНОВЛЕНИИ ПРИГОВОРА

Приговор суда по уголовному делу должен быть законным, обоснованным и справедливым (ст. 297 УПК РФ). Для выполнения этого требования суд при принятии решений по делу должен быть самостоятельным как в установлении фактических обстоятельств, так и в юридической квалификации действий подсудимого. Между тем анализ закона убеждает, что в ряде случаев суд теряет самостоятельность и становится зависимым от решений следователя и прокурора. В статье анализируются такие ситуации и обосновывается вывод об устранении всех ограничений самостоятельности судов в отправлении правосудия.

Ключевые слова: самостоятельность суда, пределы обвинения, фактическая фабула обвинения, юридическая формулировка.

Согласно Конституции Российской Федерации правосудие осуществляется судами. Только суд выносит приговор, в котором определяется судьба подсудимого. Такая ответственность суда требует, чтобы его успешная деятельность была обеспечена рядом условий. Одним из условий является независимость судей и их подчинение только закону. Это означает, что суд должен иметь возможность разрешать все вопросы уголовного дела самостоятельно, только по своему внутреннему убеждению, обладая независимостью от вмешательства отдельных лиц и организаций (в том числе представителей исполнительной власти – следователя и прокурора). Данные положения закреплены Конституцией РФ и являются абсолютно необходимыми для осуществления правосудия.

Между тем в действующем УПК РФ имеются нормы, которые противостоят отмеченным положениям. Они ограничивают самостоятельность судов в решении ряда существенных вопросов, подчас заставляя судей принимать не свое решение, а навязанное следователем или прокурором.

Во-первых, ст. 254 УПК РФ обязывает суд прекратить уголовное дело в случае отказа прокурора от обвинения. Суд здесь обязан поступить, подчиняясь выраженной воле прокурора, даже если он – суд – имеет противоположное убеждение.

Во-вторых, гл. 32-1 УПК РФ ограничивает усмотрение суда в определении пределов доказывания. Статья 226-9 этой главы обязывает суд использовать только те доказательства, которые содержатся в обвинительном постановлении. Следовательно, в определении объема доказательств решающим является усмотрение не суда, а дознавателя и утвердившего обвинительное постановление прокурора. Именно они определяют, какие доказательства должен использовать суд, и суд обязан подчиниться. Зависимость в этом вопросе в конечном итоге ограничивает

самостоятельность суда в определении круга подлежащих установлению фактических обстоятельств дела.

В-третьих, согласно ст. 252 УПК РФ пределы обвинения в судебном разбирательстве определяются итоговыми документами стадии расследования. Отсюда следует, что суд не может осудить подсудимого по обвинению, более тяжкому по сравнению с тем, которое было предъявлено ранее, на стадии расследования – для этого требуется предъявление подсудимому более тяжкого обвинения. Но принять меры к тому, чтобы подсудимому было предъявлено другое, более тяжкое обвинение, суд не может, даже если он достоверно установил, что подсудимый совершил более тяжелое преступление. Единственное, что остается делать суду при вынесении своего решения, – это учитывать обвинение, сформулированное в итоговом документе расследования, даже если суд с ним не согласен. Значит, и в этой ситуации суд обязан подчиняться не своему внутреннему убеждению, а тому, что сформулировано следователем и утверждено прокурором.

Как видно, в УПК РФ имеются нормы, ограничивающие самостоятельность суда в разрешении ряда существенных вопросов уголовного дела.

Наличие в законе данных норм не случайно – в них выражена концепция классической состязательности. В состязательном уголовном процессе суд исполняет роль лишь пассивного арбитра, который разрешает правовой спор между сторонами, будучи связанным требованиями сторон и поэтому не имеющим права выходить за рамки их притязаний. Значит, не суд, а стороны являются главными в определении рамок деятельности суда, а также и в разрешении ряда вопросов рассматриваемого дела. В этом – суть состязательного начала. Как известно, в регулирующих судебное разбирательство нормах действующего УПК РФ концепция состязательности закреплена (хотя и не в полном объеме, а в виде отдельных элементов).

Необходимость некоторых ограничений самостоятельности суда обосновывается в литературе. По мнению Е.В. Ежовой, «суд не должен принимать на себя функцию обвинения, что непосредственно противоречит установленному в ст. 15 УПК РФ принципу состязательности сторон. Его полномочия должны быть строго ограничены рамками предъявленного обвинения, чтобы у суда не возникло «соблазна» перейти на сторону обвинения» [1. С. 103]. И.С. Дикарев ограничения самостоятельности суда объясняет необходимостью сохранения демократических основ правосудия. Он пишет: «...необходимо определиться с тем, какая из двух правовых ценностей – принцип независимости судей или право на судебную защиту – является более значимой. С учетом ст. 2 Конституции РФ, согласно которой признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина является обязанностью государства, этот вопрос должен, по нашему мнению, решаться в пользу права на судебную защиту» [2. С. 101].

Следует отметить, что приведенные доводы являются неубедительными. Противопоставление различных ценностей, соответствующих одному типу уголовного процесса, некорректно. Все ценности связаны между

собой, и любая из них достигается в результате действия всех других ценностей. Поэтому жертвовать никакой ценностью нельзя. Исключения должны быть сделаны, когда в один набор включены ценности, принадлежащие разным типам уголовного процесса, и они противоречат друг другу. Такого в анализируемой И.С. Дикаревым ситуации нет. К тому же субъектом права на судебную защиту согласно Конституции РФ является не только подсудимый (а именно о нем проявляет заботу И.С. Дикарев), но и потерпевший, права и интересы которого в результате ограничения судебской самостоятельности могут оказаться вне защиты. И жертвовать судебной защитой потерпевшего в пользу защиты подсудимого также некорректно.

Таким образом, в нормативной регламентации положения суда в уголовном процессе имеет место ограничение судебской самостоятельности, которое является отражением концепции классической состязательности.

Однако такое положение не согласуется с рядом иных норм российского законодательства.

Во-первых, оно противоречит ст. 120 Конституции РФ, которая закрепляет независимость суда при осуществлении правосудия и тем самым обеспечивает его самостоятельность в разрешении всех вопросов уголовного дела.

Во-вторых, заметно и другое несоответствие – с имеющимися в УПК РФ нормами, регламентирующими статус суда. Так, ст. 297 УПК РФ предписывает, чтобы приговор был законным, обоснованным и справедливым. Данными качествами должны обладать и иные итоговые судебные решения, разрешающие уголовное дело. Наличие таких свойств образует правосудность приговора и иного судебного решения. Ответственность за правосудность возлагается на суд (это хорошо видно при анализе содержания норм, регламентирующих проверочные судебные производства). Но как можно требовать ответственности за обоснованность и справедливость приговора и иного решения, если судьбу дела фактически определяет не суд, а иной субъект? Например, в ситуации, когда прокурор отказывается от обвинения и тем самым предписывает судье прекратить уголовное дело, хотя судья убежден в виновности подсудимого. Или в ситуации, когда суд вынужден выносить приговор в соответствии с предъявленным следователем обвинением, а суд убедился в совершении подсудимым более тяжкого преступления. В указанных, а также подобных ситуациях в судебных решениях выражается воля не суда, а следователя и прокурора, которая навязывается суду независимо от его собственного убеждения. Оформляя в решении не свое убеждение, а волю следователя и прокурора, суд в то же время поставлен в положение ответственного за правосудность решения.

В таком положении, как думается, содержится явное противоречие. Его наличие тоже не случайно. Ранее отмечалось, что ограничивающие самостоятельность судов нормы отражают элементы состязательного процесса. Нормы же, возлагающие на суд ответственность за правосудность приговора, отражают элементы иного типа процесса – публичного, требующего активности суда в формировании базы для приговора. Не

случайно Конституционный Суд РФ в постановлении № 16-П характеризует суд «как носителя публичной по своей природе судебной власти» [3]. Таким образом, обнаруживается, что законодатель создал ситуацию, в которой в одном УПК и в отношении одного субъекта – суда – действуют элементы двух разных типов процесса – состязательного и публичного. Но состязательное и публичное начала противоречат друг другу, и их противоречие непримиримо. Здесь, как утверждалось ранее, для устранения противоречия неизбежным становится выбор приоритетов.

Анализ норм УПК РФ показывает, что в нем содержится немало противоречий. Однако отмечаемое противоречие – между состязательным и публичным началами – системное, оно является наиболее глубоким и поэтому наиболее неблагоприятным для уголовного процесса. Главное его неблагоприятное последствие – оно мешает создать концептуальное единство Уголовно-процессуального кодекса. Можно, как представляется, утверждать, что концептуального единства в действующем УПК РФ нет, в него включены разнохарактерные нормы, не согласующиеся друг с другом, а порой и явно противоречивые. Все это крайне отрицательно сказывается на практике применения УПК.

Анализируемое противоречие замечено было ранее, но никаких мер по его устранению длительное время не предпринималось [4, 5]. Первый шаг был сделан Конституционным Судом РФ, который 2 июля 2013 г. принял постановление № 16-П о проверке конституционности ст. 237 УПК РФ [3]. Этим постановлением Конституционный Суд РФ устранил одно из ограничений самостоятельности суда – разрешил судам возвращать дело прокурору для предъявления подсудимому нового обвинения, если суд убедится в совершении подсудимым преступления, более тяжкого, нежели то, которое указано следователем в обвинительном заключении, а дознавателем – в обвинительном акте или обвинительном постановлении.

Постановление Конституционного Суда РФ вызвало критику, оно оценивается как значительно снижающее уровень демократичности российского уголовного процесса и даже реакционное [2].

Думается, что такая оценка постановления неправомерна. В конце концов, необходимо определиться, какое начало должно быть главным в нашем уголовном процессе. Концептуальное единство УПК (как и любого иного законодательного акта) может быть достигнуто, если в нем будет господствовать только одно начало. Таким – главным, как убедительно обосновывается в литературе, необходимо сделать публичность как наиболее отвечающую требованиям выносить законные, обоснованные и справедливые приговоры [6]. Именно это направление и определено Конституционным Судом в постановлении. В нем увеличивается самостоятельность судов, что неизбежно повлечет повышение их активности в разрешении вопросов дела, а это – усиление публичного начала. Впервые на официальном уровне Конституционный Суд РФ выразил предпочтение публичности в ущерб состязательности, что представляется совершенно правильным. При этом состязательность не устраняется, она уменьшается, а публичность увеличивается. Отдавая предпочтение пуб-

личности как главному началу в определении статуса суда в уголовном процессе, Конституционный Суд РФ тем самым намечает направление будущего совершенствования уголовно-процессуального законодательства. В этом заключается чрезвычайно важное, принципиальное значение постановления № 16-П.

Однако, оценивая анализируемое постановление положительно, следует отметить и присущий ему недостаток. Он выражается в недостаточной последовательности Конституционного Суда РФ. Проявляется это в следующем.

В постановлении Конституционный Суд РФ, кроме конкретного решения вопроса о конституционности ст. 237 УПК РФ, сформулировал важное положение общего характера.

Он установил, что самостоятельность суда должна быть абсолютно необходимым условием для успешного осуществления правосудия. В постановлении отмечается, что суды осуществляют судебную власть «самостоятельно, свободно и независимо от позиции той или иной стороны». И далее: «Безусловное следование инициативе стороны обвинения или защиты, заявленному заинтересованным лицом ходатайству, которые всегда преследуют собственный процессуальный интерес, означало бы недопустимое ограничение самостоятельности суда». Конституционный Суд также определяет круг вопросов, которые должны разрешаться судами на основе их абсолютной самостоятельности: «...доказано ли, что имело место деяние, в совершении которого обвиняется подсудимый, и что это деяние совершил именно он, является ли это деяние преступлением и каким пунктом, частью, статьей Уголовного кодекса Российской Федерации оно предусмотрено, виновен ли подсудимый в совершении этого преступления, подлежит ли подсудимый наказанию за совершенное им преступление». Какая-либо зависимость суда в разрешении этих вопросов от органов уголовного преследования, в том числе входящих в систему исполнительной власти, признается неправомерным вмешательством в осуществление судебной власти, что несовместимо с закрепленным Конституцией РФ принципом разделения властей.

Исходя из этого положения, Конституционный Суд РФ, как представляется, должен был ликвидировать в полном объеме имеющуюся зависимость судов от выраженных в соответствующих процессуальных документах решений следователей и прокуроров.

Однако этого не произошло, самостоятельность судов Конституционным Судом обеспечена лишь частично. Известно, что обвинение состоит из двух частей – фактической фабулы и юридической формулировки (квалификации). В мотивировочной части постановления Конституционного Суда РФ речь идет обо всем обвинении, но в резолютивной части необязательной для суда признается только юридическая квалификация. Зависимость судов от предлагаемой следователями и прокурорами фактической фабулы остается.

Такое решение является половинчатым, поэтому с ним трудно согласиться. Зависимость судов от сформулированной в обвинительном заключении (акте, постановлении) фактической фабулы также является навязы-

ванием судьям воли органа расследования и прокурора со всеми вытекающими негативными последствиями. И Конституционный Суд РФ признает недопустимость такой судебной зависимости, но делает это не в резолютивной, а в мотивировочной части постановления. Ссылаясь на ранее принятое им постановление от 16 мая 2007 г. № 6-П, Конституционный Суд излагает принципиально важную правовую позицию, согласно которой «судебное решение, если существенно значимые обстоятельства события, являющегося предметом исследования по уголовному делу, отражены в нем неверно, не может рассматриваться как справедливый акт правосудия; если в силу недопустимости выхода суда за рамки обвинения, сформулированного в обвинительном заключении, обвинительном акте или обвинительном постановлении, обстоятельства, имеющие значение, не отражены в итоговом судебном решении, то должны быть задействованы процессуальные механизмы, которые позволили бы осуществлять расследование новых обстоятельств и их учет в соответствующем документе, направляемом в суд органом уголовного преследования» [3].

Приведенное положение сформулировано применительно к стадии возобновления производства ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств. Следовательно, в этой стадии, если будет установлено, что суд первой инстанции, будучи связан предложенной следователем фактической фабулой, неправильно отразил в приговоре обстоятельства дела, вышестоящая инстанция должна инициировать дополнительное расследование данных обстоятельств. Значит, вышестоящая инстанция вправе признать неправомерной, ошибочной часть приговора, хотя эта часть и соответствует закреплённой в ст. 252 УПК РФ зависимости суда первой инстанции от предложенной следователем фактической фабулы. Для исправления ошибки вышестоящей инстанции придаются полномочия инициировать дополнительное расследование обстоятельств дела.

Думается, что такие же полномочия должен иметь и суд первой инстанции. Вряд ли нормальной будет ситуация, когда суд первой инстанции, будучи связан в соответствии со ст. 252 УПК РФ позицией следователя, осознанно, вопреки своему убеждению неверно отразит факты в приговоре и затем будет ждать исправления фактической фабулы силами вышестоящей инстанции. У суда первой инстанции должна быть возможность не допустить ошибок в изложении в приговоре фактических обстоятельств дела. Средством для этого будет устранение зависимости суда от предлагаемой следователем, дознавателем, прокурором формулировки фактической фабулы, как это уже сделано Конституционным Судом РФ применительно к юридической квалификации.

Кроме того, для обеспечения успешной деятельности судов следует устранить все иные виды зависимости судов от решений дознавателей, следователей и прокуроров. Конституционный Суд РФ сделал только первый шаг. Но с учетом сформулированных им положений можно ожидать, что такие меры впоследствии будут приняты. И это будет вполне соответствовать направленности постановления Конституционного Суда

РФ № 16-П, которое стремится обеспечить суд самостоятельностью, свободой и независимостью от позиции той или иной стороны.

О наличии у Конституционного Суда РФ такого стремления свидетельствует, как представляется, и следующее обстоятельство: мотивировочная часть постановления № 16-П по своему содержанию шире содержания резолютивной части. В резолютивной части решается конкретный вопрос – о возможности суда принять меры к изменению уголовного закона на закон о более тяжком преступлении. В мотивировочной же части не только обосновывается такое решение, но и формулируются положения общего характера – о самостоятельности суда в разрешении всех вопросов рассматриваемого им уголовного дела, о независимости суда от позиции сторон, об обязанности суда принимать решения только на основе своего внутреннего убеждения. Изложенные в мотивировочной части положения – правовые позиции – так же обязательны, как и содержащиеся в резолютивной части выводы. Поэтому можно высказать предположение о том, что законодатель учтет не только резолютивную часть, но и правовые позиции, содержащиеся в мотивировочной части анализируемого постановления Конституционного Суда РФ.

Литература

1. Ежова Е.В. Роль суда в установлении истины по уголовному делу // Библиотека криминалиста: науч. журнал. 2012. № 4 (5). С. 99–104.
2. Дикарев И.С. Уголовный процесс: «тихая революция» сменилась реакцией // Вестн. Волгоград. гос. ун-та. Серия 5. Юриспруденция. 2013. № 3. С. 98–103.
3. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 2 июля 2013 г. № 16-П «По делу о проверке конституционности положений части 1 статьи 237 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Республики Узбекистан Б. Т. Гадаева и запросом Курганского областного суда» // Российская газета. 2013. № 6127. 12 июля.
4. Кальницкий В.В. Развитие уголовно-процессуальной формы вступает в противоречие с основами доказательственного права // Пятьдесят лет кафедре уголовного процесса УрГЮА (СЮИ): материалы Междунар. науч.-практ. конф., г. Екатеринбург, 27–28 января 2005 г.: в 2 ч. Екатеринбург, 2005. Ч. 1. С. 393–399.
5. Тетерина Т. Отказ прокурора от обвинения «преступает» права потерпевшего на доступ к правосудию // Российская юстиция. 2003. № 10. С. 37–38.
6. Барабаиш А.С., Брестер А.А. Метод российского уголовного процесса. СПб.: Юридический центр-Пресс, 2013. 218 с.

Sviridov Mikhail K. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation).

AUTONOMY OF COURTS IN SENTENCING.

Key words: autonomy of courts, limits of prosecution, factual prosecution's theory, legal wording.

Legality, substantiality and justice of sentences call on the court to solve all the problems of a criminal case independently on the basis of its inner conviction. Meanwhile, the law stipulates some cases of restriction of the courts' autonomy: it should dismiss the case when the prosecutor drops charges; when the court is to define the limits of the trial it is bound by the charges brought by the investigator before. In such situations the court depends on the decision of both the investigator and prosecutor. Such a dependence which is admissible in adversarial proceedings doesn't allow the court to be active in ascertaining the truth and to be free while forming its inner conviction. That is why the decision of the Constitutional Court of the Russian Federation to eliminate the dependence of the court on the legal qualification proposed by investigators in the indictment is right. To ensure independence

of judges it is reasonable to eliminate other kinds of dependence of the court on the positions of investigators, interrogating officers and prosecutors.

References

1. Ezhova E.V. Rolj suda v ustanovlenii istinih po ugovnomu delu // Biblioteka kriminalista: nauch. zhurnal. 2012. № 4 (5). S. 99–104.
2. Dikarev I.S. Ugolovniy process: «tikhaya revolyuciya» smenilasj reakciej // Vestn. Volgograd. Gos. un-ta. Seriya 5. Yurisprudenciya. 2013. № 3. S. 98–103.
3. Postanovlenie Konstitucionnogo Suda Rossijskoj Federacii ot 2 iyulya 2013 g. № 16-P «Po delu o proverke konstitucionnosti polozenij chasti 1 statji 237 Ugolovno-processualnogo kodeksa Rossijskoj Federacii v svyazi s zhaloboj grazhdanina Res-publiki Uzbekistan B. T. Gadaeva i zaprosom Kurganskogo oblastnogo suda» // Rossijskaya gazeta. 2013. № 6127. 12 iyulya.
4. Kaljnickij V.V. Razvitie ugolovno-processualnoj formih vstupajet v protivorechie s osnovami dokazatelstvennogo prava // Pyatjdesyat let kafedre ugolvnogo processa Ur-GYuA (SYul): materialih Mezhdunar. nauch.-prakt. konf., g. Ekaterinburg, 27–28 yanvara 2005 g.: v 2 ch. Ekaterinburg, 2005. Ch. 1. S. 393–399.
5. Teterina T. Otkaz prokurora ot obvinenija «prestupaet» prava poterpevshego na dostup k pravosudiju // Rossijskaya yusticiya. 2003. № 10. S. 37–38.
6. Barabash A.S., Brester A.A. Metod rossijskogo ugolvnogo processa. SPb.: Yuridicheskij centr-Press, 2013. 218 s.